

Сказка про Дурня – вьетнамская народная сказка

Вьетнамская народная сказка

Примечание: Сказка народности хани

В давние времена в горном крае жил один жадный и злой старейшина. И у него не было детей. Долго старейшина возносил молитвы богам, делал им щедрые подношения, и наконец у него родился сын. Но счастья старейшине не прибавилось, потому что сын оказался уж больно чудным. В народе поговаривали, что, мол, этот ребенок послан старейшине в наказание за его свирепый нрав.

Мальчик был сильным, быстро рос, но вот беда: ничего-то он не умел. За какое дело ни примется, все у него получается наперекосяк. Потому и прозвали парня в селении Нгок, что значит «Дурень».

Время шло, и родители женили сына. Но ума у него не прибавилось. Как-то раз увидел он на улице охотников, несли они богатую добычу – тигра, кабанов, оленей. Вернулся Дурень домой и спрашивает жену:

– Скажи, женушка, как удается охотникам добывать столько дичи? Жена, не зная, как подходчивей ответить глупому мужу, в задумчивости покрутила в воздухе пальцами. Дурень уставился на ее руку и решил, что она показывает на крышу.

– Видишь ли, – наконец промолвила жена, – охотники расставляют западни там... высоко... где водятся звери. – И она опять покрутила в воздухе пальцами.

Дурень так и не понял, что жена имеет в виду высокие горы, а вовсе не крышу. На другой день, едва жена ушла по делам из дому, он забрался на крышу, устроил там западню, потом спустился, сел под деревом и стал ждать, когда в нее угодят тигры, кабаны и олени. Ждал он, ждал, все глаза проглядел, но

так ничего и не дождался. От нетерпения Дурень то вскакивал с места, то снова усаживался. Под конец залез на крышу и устроился подле самой западни.

Под вечер, когда солнце ушло почивать в свое логово, домой возвратилась жена, развела огонь в очаге и принялась готовить рис на ужин. Потянуло дымком, и у Дурня глаза заслезились, он раскашлялся. Не утерпел, громко крикнул:

– Откуда такой едкий дым? Все глаза мне выел!

Услышала жена голос мужа, глянула наверх и увидела, что он устроил западню на крыше, а сам сидит, ждет, когда добыча появится. Жена и сердится на такого дуралея, и жалеет его, но пуще всего ее смех разбирает.

– Ох и несуразный у меня муженек, – сквозь смех проговорила она. – Где ж это видано – ставить западни на крыше?! Их надобно ставить высоко в горах. И не на видном месте, а под деревьями и кустами. А здесь ты до скончания века ничего не поймаешь. И еще запомни: лучшее место для западни – глубокая яма, наподобие той, что за нашим домом.

Хотел было Дурень с женой поспорить, потому что, как все глупцы, был отъявленным спорщиком, но счел за лучшее на этот раз промолчать. Даже головой кивнул.

Наутро, когда жена снова отправилась по делам, Дурень вторично наладился западню строить. Вспомнив, какое место жена назвала лучшим для западни, он больше не стал лазать на крышу, а устроился в яме за домом. Вскоре ему и впрямь повезло! Угодил в западню горластый петух и поднял крик на всю округу. Ох и обрадовался Дурень! Схватил добычу, домой приволок. Весь день, до самого заката, в западню попадались то куры, то свиньи. Чуть ли не всю живность, свою и соседскую, переловил горе-охотник.

Люди селения, конечно, слышали тревожное кудахтанье и отчаянный свинячий визг, доносившиеся от дома Дурня, но никому и в голову не пришло заподозрить недоброе. Только к вечеру всполошились соседи: многие недосчитались свиней и кур. Стали люди бегать от дома к дому, друг друга спрашивать. В это время жена Дурня возвращалась домой и диву далась, отчего люди так кричат и ругаются, что ищут по всему селению? Однако, войдя в

свой дом и увидев кучу битых кур и свиней, сразу поняла, в чем дело. Не проронив ни слова, бедняжка села на пол, закрыла лицо руками и горько заплакала. А Дурень никак в толк не возьмет, отчего жена не радуется такой богатой добыче.

– Ой-ой-ой! – растерянно проговорил он. – У нас радость, а ты почему-то плачешь. Не пойму я тебя... Ты полюбуйся лучше, сколько кур и свиней я добыл! Спасибо тебе, женушка, научила меня хорошие западни ста-вить. Утри слезы, навари и нажарь нам к ужину много мяса. Видишь, какой у тебя муж хороший добытчик! Услышала жена эти речи, пуще прежнего расплакалась:

– Какой ты, право, болван! Подумал бы лучше, как нам теперь с людьми расплатиться. Ведь ты извел почти всех кур и свиней в нашем селении.

Глаза у Дурня на лоб полезли, испугался он, задрожал от страха. Вырыл во дворе огромную яму, покидал туда всю добычу и землей присыпал.

Жена потихоньку успокоилась и допоздна растолковывала неразумному мужу, где и как надобно ставить западни. Наутро он отправился в горы, установил западню, как учила его жена, а к полудню туда угодил олень. Дурень запрыгал от радости, высвободил оленя и, придерживая его покрепче, стал наказывать:

– Ты, олень, теперь не просто олень, а моя добыча! Будь любезен, запомни это! Ступай к моему дому и передай жене, чтоб она наварила из тебя разных блюд – и наваристого супа, и мясной подливы к рису, и жаркого. А также передай жене, что я вернусь только к вечеру, хочу здесь еще посидеть, может, в мою западню угодит еще пара-другая оленей. Понял?

С этими словами Дурень отпустил оленя. Почуяв волю, олень со всех ног припустился в лес, а Дурень ему вслед кричит:

– Ты там смотри не балуй, а то жена у меня строгая, озорства не терпит!

Жена Дурня тем временем по хозяйству хлопотала: натолкла целую чашку жгучего стручкового перца для приправы, поставила на очаг горшок с половой для кур, чтоб распарилась, пошла задать корм проголодавшимся поросятам. Как раз в этот миг вбегает в дом Дурень, весь день мечтавший о роскошных яствах из оленины. Увидел какую-то чашку на столе и решил, будто это и есть

мясная подлива. Он ее единым махом себе в рот опрокинул. Мало, думает, чего бы еще съесть? Видит, стоит на очаге горшок с варевом, и давай хлебать через край. Тут-то его и прихватило! От жгучего перца и распаренной половы ему рот и горло свело. Сидит, глаза выпучив, высунув язык, отдышаться не может – ни дать ни взять кошка, ненароком проглотившая имбирь. Слезы градом из глаз катятся. Все нутро огнем полыхает. Тут вернулась жена, Дурень на нее с бранью накинулся:

– И как это тебя только угораздило из отменной оленины подобную гадость сготовить?! Не умеешь варить – не берись!

Жена даже не сразу поняла, о чем бестолковый муж говорит, стала его расспрашивать. Слово за слово, поведал он ей о своем приключении. Выслушала она его, головой покачала: жалко ей стало, что муж упустил такую добычу, жалко его самого – вон как мучается от смеси жгучего перца с половой, но еще больше себя жалко, что такой болван ей в мужья достался. Топнула она в досаде ногой и говорит:

– Горе мне с тобой! Больше ни за какое дело не берись! Сиди дома.

Стал Дурень с тех пор бездельем маяться, день-деньской по дому с унылым видом слоняется, с опаской на жену поглядывает. Она же, видя, что от безделья у мужа ума не прибавляется, как-то сказала:

– На нашем поле совсем негде от солнца прикрыться. Пошел бы ты и поставил там шалаш. Большой мне ни к чему, поставишь, как говорится, панцирь от краба – и на том спасибо.

Обрадовался Дурень, что ему наконец дело нашлось, прихватил нож-резак и потопал на горное поле. По-дыскал удобное место для шалаша и надолго задумался: где теперь изловить краба? А поскольку крабы в гористых краях большая редкость, то отправился Дурень искать какую-нибудь речку или хотя бы ручеек. Авось, думает, повезет и удастся краба поймать. Долго бродил он по горам и ущельям, все ручейки и речушки обшарил, но тщетно. Наконец в самой низине набрел Дурень на сильно обмелевшую речку. Начал он камни ворочать. Вдруг из-под одного камня выскочил краб и давай со всех ног улепетывать.

– Шалишь! От меня не уйдешь! – завопил Дурень. – Тебя-то мне и

нужно!

Изловчился он и поймал краба. Довольный вернулся на поле, развел костерок, краба изжарил и съел, а панцирь установил на то место, которое под шалаш приглядел. «Это как раз то, о чем просила жена, – бормотал он себе под нос. – Она же просила сделать шалаш из панциря краба, вот я и сделал. Хотя, видят боги, нелегко мне это далось...» Вернулся Дурень домой, жена его и спрашивает:

– Ты почему так поздно? Надеюсь, соорудил шалаш?

– А как же! – самодовольно отвечал Дурень. – Непростую задачу ты мне задала, но для тебя, женушка, я что хочешь сделаю. Ведь ты как говорила: «Поставишь панцирь от краба – и на том спасибо!» Вот и скажешь мне завтра спасибо.

Наутро супруги, перекусив риса, отправились на свое поле, а за ними следом увязалась собака. Чем ближе к полю, тем чаще оглядывался Дурень на собаку и наконец сказал:

– Надо бы собаку взять на поводок, а то, не ровен час, слопают она мой шалаш.

Не успел он это произнести, как собака рванулась вперед, и захрустел у нее на зубах панцирь от краба.

– Вот видишь! – вскричал Дурень. – Я же предупреждал! Пропали мои труды! Где мы теперь укроемся от солнца? А ты еще обещалась спасибо мне сказать, если поставлю я панцирь от краба.

Бедная женщина не знала, то ли плакать ей, то ли смеяться. Второго такого дуралея не сыщешь! Отныне она решила никуда его от себя не отпускать. Пусть лучше дома сидит. Иногда она ему только позволяла корм свиньям задать, а в остальное время он из угла в угол слонялся да на жену умильно поглядывал.

Вьетнамские народные сказки.

Читаем бесплатно онлайн

Читать другие вьетнамские сказки. [Содержание](#)